

Владимир Александрович Соллогуб

Сереза

**Соллогуб Владимир
Александрович
Сереза**

Владимир Александрович Соллогуб
СЕРЕЖА

Лоскуток из вседневной жизни

(Кн. В. Ф. Одоевскому)

Bonjour!

(Grand monde).

Здравствуйте! (Большой свет) (фр.)

I

Уныло звенел колокольчик; телега медленно тащилась по тряской дороге, а путешественник задумчиво глядел на поля, покрытые уж осенним снегом.

Это было в конце октября, в ту пору недоумения, когда природа колеблется между летом и зимою, когда в Петербурге балов еще нет, а начались уж вечеринки, - время дикой поэзии и озимовых всходов.

Скучно ездить по святой Руси, нечего греха таить, куда как скучно! Все те же станционные смотрители, все те же дилижансы "первоначального заведения", все те же постилы, рыбы, пряники и котлеты. Вот вам валдайские баранки, вот вам сафьянные сапожки, вот вам щи такие ленивые, что их едва из суповой чашки можно вылить. Хотите

кушать, хотите ночевать, баранок вам не надо, гусей также; спать? вы не будете, все надоело, все приелось... а ехать далеко" далеко, далеко!.. Ну так вагляните хоть на проезжающих. Сколько их тут! Все военные, да чиновники, да недоросли, да немцы. Вот мчится телега - буйная молодость русских дорог; вот переваливается бричка, как саратовский помещик после обеда; вот гордо выступает широкая карета, как какр\$г нибудь богатый откупщик; вот дормез, вот коляска, а за ними толстый купец-дилижанс, выпив четырнадцать чашек чаю на почтовом дворе, подает милостыню оборванной сидейке.

Это позабавит вас на полчаса. Но вот начинается настоящее вам горе, пропали вы совсем: вы сворачиваете с большой дороги и едете проселком. Горе вам, горе, горе, горе! Дорога делается хуже, вольных лошадей и неволею едва ли придется вам достать. Грязно, скучно, досадно!

.....

К счастью, путешественник мой был влюблен. Перед ним далеко расстилалось снежное поле, кое-где прикрытое мелким ельником, -

картина вам знакомая. Вправо мелькали двести избенки, согнувшись, как старушки за бо-стоном. Небо было серое; воздух был холод-ный.

Телега катилась по тряской дороге, а путеше-ственник терялся в мечтах и... потирал се-бе бока.

Это Сережа. Он едет в деревню из Петер-бурга. Он человек военный, хотя не то чтобы военный человек.

Он добрый малый, гвардейский щеголь. Вы его видели везде. Кресла у него в театре всегда в первом ряду, вследствие каких-то особенных знакомств. Лорнет у него склад-ной, бумажный. В театре он свой человек. Он даже мигал три раза одной корифейкой тан-цовщице, той именно, которая всегда, идя за гробом Розалии, опускает руку и поднимает ногу. У него и на старом мундире эполеты все-гда новые. Он не то чтобы хорош, не то чтобы дурен, не то чтоб умен, не то чтобы глуп, не богат и не беден. В большом свете он занима-ет какое-то почетное место от особого искус-ства танцевать постоянно мазурку с модной красавицей и заводить дружбу с первостатей-

ными любезниками и франтами, приехавшими из-за границы блеснуть своей заграничностью в наших гостиных. Сережа кое-чем и занимался. Он читал всего Бальзака и слышал о Шекспире. Что же касается до наук, то он имеет понятие об английском парламенте, о крепости Бильбаб, о свекловичном сахаре, о паровых каретах и о лорде Лондондери.

Но теперь и занятия, и балы, и книги, и театр - все забыто: пять мазурок, три кадрили и два вальса решили навсегда судьбу молодого человека; черные очи, пышные платья, длинные локоны и гранатовые серьги обворожили его гвардейское сердце. Сережа не только уверил самого себя, что он влюблен, но даже умел уверить в том и всех знакомых своих. О Сереже стали жалеть; Сережу начали выставить примером верности.

Сережа вдруг сделался лицом занимательным, предметом разговоров, и точно за нею следил он как тень. Она на бале - и он на бале; она в ложе и он в партере; она на английских горах - и он ломает себе шею; она гуляет - и он морозит себе пальцы и нос, чтоб пройти молодцом по Невскому в одном сюртучке. О! Та-

кой страсти долго не слыхивали в бесстрастном Петербурге.

И все единогласно хвалили, осуждали, жалели - и не понимали Сережу.

Телега все перекачивалась со стороны на сторону.

Сережа курил, кряхтел и охал, бранил своего человека за то, что дурна дорога, ругал ямщика и мечтал о красавице. Он все припомнил: и продолжительные разговоры, и последнее прощанье, и английское пожатье руки - и улыбка самодовольствия, прерванная толчками телеги, невольно изобразилась на чертах героя незамысловатого рассказа моего.

Долго катилась телега; долго бранился и мечтал Сережа; наконец мелькнули огоньки, потянулся длинный забор, показались крыши.

Сережа въезжал в свои владения и горделиво, с чувством барского достоинства остановился перед нетопленным домом.

II

На больших уродливых креслах сидела молодая женщина у письменного столика, заставленного малахитами и китайцами. Тща-

тельно загибалась она углы розовой надушенной бумажки, а на губах ее дрожала золотая облатка с графским вензелем.

Женская розовая записка! Блажен, кто, получив тебя, прижмет тебя к своим губам, и долго будет тебя читать, и долго будет смотреть на тебя! Куда летишь ты, воздушная? Какую тайну любви, какую сердечную грусть поведаешь ты? Много поэзии в твоих нежных листиках, много прекрасной небрежности в твоих мелких бисерных строчках, розовая женская записка!

Молодая женщина схватила китайца за голову и позвонила. Вошел слуга в ливрее английского покроя.

- Отнесите это письмо в театральную дирекцию.

Чтоб непременно у меня была завтра лоджа, да спросите, дома ли муж.

Так вот тайна Сережи: она графиня, она замужем, а к тому ж и добродетельна; но неужели страсть молодого гвардейца не могла тронуть женского сердца?

О нет! Она его уважает, она его даже любит, любит искренно, как бального друга, как

мазурочного брата; но есть обязанности: есть старый муж, есть грозная молва... Впрочем, Сережа многого не добивался. Три раза в неделю аккуратно он своими взглядами и вздохами компрометировал модную нашу графиню, и так всенародно, так откровенно, что добрая слава красавицы отнюдь от того не страдала: все знали, что любовь его безнадежна. Вчера он уехал, чтоб вылечиться от страсти и долгов. Сказать правду: отъезд его немного расстроил графиню. Для рассеяния она непременно решила ехать в театр; к тому ж дают новую оперу с прекрасными декорациями и великолепным спектаклем.

От скуки она задумалась; немного подумала о жизни, о счастье, которого нет; потом задумалась о чепчике, потом о Сереже...

Хороша моя графиня, нечего сказать, хороша, очень хороша! Вы, верно, ее видели, а если видели, так, верно, думали о ней, когда душа ваша развеживалась. Маленькой ручкой подпирала она маленькую прелестную головку, а черные глаза, в каком-то задумчивом тумане, рассеянно устремлялись на бронзового китайского уродца, важно сидящего на кучке

пакетов, возле колокольчика.

Итак, "она хороша". Это слово подразумевает уже целую повесть. Рассказывать ли вам, как с младенчества ей отравляли чистые наслаждения детства, как всегда перед нею была развита картина большого света, как ее постепенно приготавливали к нравственному, сердечному развращению, для которого она была назначена приличием... Впрочем, она читает тоже Бальзака, но о Шекспире не слышала. Свет, которому ею пожертвовали, много подавил в ней хорошего, оковал ее в холодные цепи и бросил в объятия старого мужа, который купил ее ценою своего имени. Она никогда не думает о том, что есть ужасного в ее положении, наряжается и танцует, танцует и наряжается. О любви же она не думает; да время ли думать? Поутру она катается по Невскому проспекту, потом за стол, потом в свою ложу во французский театр. Время летит быстро; платья меняются - и жизнь проходит.

Дверь отворилась. Вошел человек лет пятидесяти, в черном парике; он поцеловал руку у зевавшей красавицы и начал расхажи-

вать по комнате.

- Что, ты каталась?

- Каталась.

- Хорошая погода?

- Да.

- Холодно!

- Да.

- Градусов пятнадцать.

- Право?

- Много было вчера на рауте?

- Да все те же. Adele постарела ужасно. Графиня В. была дурно одета, по обыкновению.

Была еще какая-то приезжая из Москвы - сейчас видно. А ты играл?

- Играл.

- Что сделал?

- Проиграл.

- Много?..

- Нет, безделицу.

- А?..

- А-а-а-а!!.

- Хороша погода!

- Да.

- Холодненько... А мне пора. Прощай.

- Прощай.

Старик поцеловал у нее опять руку и ушел. Такие разговоры повторялись каждое утро. На другой день графиня была в театре, с прическою из черного бархата. Рядом с ней сидела бессловесная наперсница, девушка лет под сорок, одетая пристойно, под названием *amie d'enfance* [Подруга детства (фр.)] и дальней родственницы.

В ложе переменялись франты в желтых перчатках, бранили оперу, поправляли галстухи и были очень милы.

Сережа был забыт...

А Сережа кряхтел в тележке, бранил человека за то, что дурна дорога, ругал ямщика и со всем тем был влюблен и въезжал в свою деревню.

- Слышь вы, ребята! - говорил нарядчик, стучась в крестьянские окна. Молодой барин приехал.

- Ой ли? Вишь что!.. - отвечал православный бас.

- Ах ты мой родимый! - запищала баба. - Красное мое солнышко! Как бы поглядеть на родного!

- Ну, смотрите же, с хлебом да с солью, ре-

бьята, на поклон.

Взбудоражились мужики, с раннего утра собрались у дверей молодого помещика, кто с яичками, кто с медком, а кто так, с пустыми руками, прошу не прогневаться. Староста расчесал себе бороду и важно упирается на палочку из соседней роци, палочку, известную многим в деревне. Земский набил нос табаком, второпях криво застегнул жилет и, не выпив ни одной рюмки водки, против обыкновения, хвастает, что барин с ним говорил и даже изволил назвать его дураком за то, что в комнатах холодно. Управляющий с явным волнением ходит перед миром, ласково называет каждого по имени:

"Что, старик Трофим? Здорово! Невесту хочешь? Будет тебе невеста; сыграем свадьбу. Смотрите же, православные, барина отягчать просьбами не надо; он этого не любит. Здорово, Ильюшка! Эким, брат, молодцом!

А, Таврило! Небось леску хочешь? Ну, так и быть, дам тебе леску".

Вдруг дверь настезь отворилась; Сережа показался.

Мужики повалились на землю. Это Сереже

понравилось, хотя немного и смутило. Он пришел в недоумение, чем начать речь своим подвластным; наконец решился:

- Здравствуйте; здоровы ли вы?..

- Много лет здравствовать твоей милости!

Дождались мы наконец батюшку, своего отца родного. Просим принять хлеб-соль нашу крестьянскую. Мы твоею милостью довольны.

- Ну, каковы дела ваши? - Сережа принял вид человека делового.

- Да какие, батюшка, дела? Мы ведь богачи осенние: даст бог хлебца, так и слава тебе господи! А нет - ну, и так проживем.

- А довольны ли вы управляющим?

- Нечего сказать, обиды большой не терпим; ну, иногда и выругает... и поколотит... да ведь вы сами, ваше благородие, знаете... без этого нельзя.

- Благодарю вас за то, что вас любят крестьяне, - сказал важно Сережа, обращаясь к управляющему.

Управляющий почтительно поклонился.

- Смотрите же, - продолжал помещик, - работайте хорошенько, трудитесь, любите друг друга, ходите в церковь, уважайте своего

управляющего - и вы все будете счастливы.

Сережа читал m-me Genlis[Госпожу Жанлис (фр.)].

Слушатели почесали затылки. Один хотел было чтото сказать, да его дернули за кафтан, - все и замолчали...

Молчали; наконец барин еще сказал:

- Не забывайте же.

- Твои крестьяне, батюшка. Мы дети твои, а ты отец наш.

- Вишь барин какой, - говорили, расходясь, мужики, - добрый барин; бает так гладко, что и не поймешь ничего.

А Сережа обедал, очень довольный собою. Двое дворовых людей - один отставной парикмахер, а другой отставной живописец, служивший, впрочем, некогда в случае нужды и музыкантом, - ревностно ему прислуживали, наперерыв друг перед другом рассказывали молодому барину разные проказы покойного дедушки.

IV

В наше просвещенное время всякий знает, что есть архитектура. В одном только сельце Зубцове слово это вовсе неизвестно.

Сельцо Зубцово расположено у подошвы небольшой горки, вдоль мутного пруда, на котором изобретательная экономия нашла средство устроить небольшую мельницу с болтливыми колесами, вечно толкующими одно и то же, как многие из наших знакомых. Спускаясь с горки, проезжающий невольно останавливается, пораженный удивительным зрелищем: из-за кустов и деревьев высовывается какая-то неясная, неопределительная громада крышек, углов, труб, досок и окон. Долго не может он себе объяснить, что это такое: недостроенный ли корабль, или феномен какой, или памятник в честь Ноева ковчега; наконец начинает он предполагать, что это, может быть, дом. Подъезжает ближе - дом действительно.

Но что за дом, что за удивительный оригинал между всеми домами! Фасад его вдавился углом, как ноги на третьей позиции танцевального учителя. По стенам, когда-то обитым тесом, разбросаны окошки в явной вражде между собою, то толкая друг друга, то отдаляясь взаимно на благородную дистанцию. К этому фасаду приделаны со всех сторон доми-

ки, пристроечки и флигельки с таким же романтическим беспорядком, как разбросаны мебели в гостиной петербургской красавицы, одним словом, представьте себе испанские дела, французские романы, присовокупите к тому весь толкучий рынок нашей литературы - и весь хаос будет еще ничем в сравнении с хаосом зубцовского дома.

Давно-давно, со времени царствования Екатерины Второй, отставной штык-юнкер Карпентов поселился в сельце Зубцове; но тогда дом его далеко не походил на тот, который я хотел вам изобразить; он весь состоял из трех только комнат, а жизнь помещика сосредоточивалась в одной. В этом безроскошном эрмитаже заключались все удовольствия, все привычки, вся жизнь его.

На окошке валялись карты, картузы с табаком; на треножном столике бутылки с настойкой, бутылка с сальным огарком, счеты и засохшая чернильница; в углу - постель, на которой вечно лежала собака; у постели ружье, сапоги, бритвенница и нагайка. Николай Осипович ходил всегда в нанковом сюртуке и в сафьянном картузике. Он был холост, а по-

ведение его в околотке ставили за примерное. Каждое воскресенье бывал он у обедни в своем приходе и стоял на клиросе; а хмельным хотя его и видали, но очень редко. Таким образом достиг он до тридцатилетнего возраста, однообразно, лениво и скучно.

Однажды прохаживался он по густому бору, Это было осенью. Листья желтели; все склоняло к грусти.

Карпентов мой задумался... Вдруг тонкое восклицание "Ах! ах!" неожиданно прервало его размышления. Карпентов поднял голову: перед ним стояла румяная девушка, дочь соседа премьер-майора Пуговцова, слыв-

шая первой красавицей всего уезда.

- Ах! - повторил Николай Осипович. - Ах! ахГ, Авдотья Бонифантьевна, как это вы здесь?.. И одни-с?

- Ничего-с, Николай Осипыч... так-с; я пошла было с девками рыжичков поискать, ан девки по лесу-то и разбежались. Эй, Маланья, Прасковья, где вы?

Пронзительное "ау" раздалось со всех сторон.

- Здоров ли батюшка? - спросил Карпентов

в замешательстве.

- Нездоров, Николай Осипыч, выдумал поужинать гусем с груздями: всю ночь не спал.

- Зайду наведаться, сударыня, непременно зайду.

Босые девки сбежались. Карпентов с некоторою светскою обворожительностью приподнял свой картузик, поклонился и пошел домой; он был тронут до глубины сердца. С тех пор все для него переменилось: где бы он ни был - всюду за ним летел очаровательный образ соседки, в кругу своих наперсниц, с рыжиками в руках.

Пуншик в сторону, борзые в сторону, все хозяйские прегрешения в сторону. Штык-юнкер Карпентов хлопнул по столу и решительно воскликнул: "Пора мужику обабиться!"

Вскоре весь уезд узнал о его помолвке. Но тут появились новые затеи. Для молодой жены мало скромного уголка, в котором помещался Карпентов; для нее нужны все утонченности роскоши: нужны диванная, чайная, а в особенности боскетная. Николай Осипович созвал плотников и начал, говоря слогом помещичьим, пристраиваться. Вскоре появи-

лась боскетная с ужасными растениями, спальня, чайная и девичья. Счастливый Николай Осипович ввел свою супругу в новые чертоги; но и тут дом скоро стал тесен: у Николая Осиповича родился сын - опять нужна пристройка; у Николая Осиповича родилась дочь - опять нужна пристройка! Таким образом, дом помещика рос вместе с его семейством, и когда у него стало налицо огромное множество детей, с присовокуплением разных мадам и мамзелей, то дом его принял этот фантастический вид [Впрочем, подобные дома в провинции встречаются нередко; они известны под общим названием "домов без архитектуры".

(Прим. авт.)], котооый так удивляет проезжающих.

V

Я наскоро набросал вам биографию Николая Осиповича, изобразившуюся уродливым иероглифом на проселочной дороге, ведущей к уездному городу. Теперь пора продолжать. Извините, если в рассказе вымысла мало: то, что я пишу теперь, не есть повесть; повесть я напишу еще когда-нибудь; это присказка, а

сказка будет впереди. Впрочем, для порядка вещей и постепенности в происшествиях, я надеюсь, что вы догадались, что деревня Сережи находилась в близком расстоянии от деревни Николая Осиповича; без любви не обойдется.

В то время, как Сережа появился в свои владения, Николаю Осиповичу было шестьдесят пять лет. Смирный послушник, давным-давно преклонил он уже свою буйную голову под иго своей одюжевшей супруги; а Авдотья Бонифантьевна лишилась многого, что имела, и многое приобрела, чего прежде и в помине не бывало.

Авдотья Бонифантьевна начала сердиться и солить рыжики, начала нюхать табак, начала бить своих девок, бранить своих дочерей и раскладывать пасьянец засаленными картами. Не считая мелких девочек и шалунов мальчишек, которым и счет был потерян, у четы Карпентовой было налицо три дочери-невесты: Олимпиада, Авдотья и Поликсена. Олимпиада - музыкантша, Авдотья - хозяйка, а Поликсена - плутовка. Олимпиада - высокая, худая, чувствительная, поющая раз-

ные романы и читающая разные романы; Авдотья плотная, румяная, знающая одну только расходную книгу, имеющая исключительным занятием выдавать весом все домашние провизии и чрезвычайно много кушать; Поликсена - девочка лет четырнадцати, с распущенными волосами *à l'enfant* [По-детски (фр.)]; Поликсена трунит над целым домом, сшибает очки с носа старой няньки Акулины, выдергивает стулья у задумчивой Олимпиады и сочиняет злодейские эпиграммы и стишки.

Вот в каком соседстве поселился Сережа и курил целый день табак. В один день обошел он все свои хозяйственные принадлежности, видел гумно, скотный двор, птичник и кирпичный завод. Сережа вздохнул, сложил руки и начал курить. К счастью, на третий день его приезда поутру явился в прихожую старый буфетчик в овчинном тулупе и просил доложить его милости, что Николай, дескать, Осипович и Авдотья, дескать, Бонифантьевна Карпентовы покорно просят барина приехать расхлебать вместе с ними щей деревенских. Узнав, что у означенных соседей числилось

три барышни-невесты, Сережа обрадовался, нарядился, завился, на помадился, надушился и в дедовских дрожжах отправился к Карпенцовым, о которых в Петербурге он и от своего лакея слышать бы не захотел.

Так-то обстоятельства меняют людей!.. Размышление сие вам, вероятно, покажется не новым, но оно из числа тех, которые нехотя приходят ежедневно на ум при виде наших грешных мирских слабостей.

Итак, в жилище рода Карпенцовых, обыкновенно мрачном и тихом, вдруг появилась какая-то торжественность. Казачку велели заштопать локти и панталоны; на кухне готовятся два лишние блюда; за стол подадут вино сотерн и домашнюю наливку. Авдотья целый день перебегает из кладовых в столовую. Николай Осипович надел что-то похожее на фрак, а Авдотья Бонифантьевна - нечто сходное с чепчиком. Дочери в белых платьях - цвет невинности и душевного спокойствия.

Шаркает Сережа, кланяется и хозяину и хозяйке и спрашивает у всех о здоровье.

- А каковы у вас озими? - говорит старик.

- Слава богу, здоровы, - отвечает Сережа. -

Очень благодарен.

- Прошу, батюшка, нас жаловать, - продолжает Николай Осипович. Покойный дедушка частехонько нас навещал - царствие ему небесное! Куда какой проказник был! Бывало, только входит в двери и кричит мой родной: "Ты, Осипыч, каналья, братец, скотина, настоящая скотина! Три дня у меня уж не был; а у меня дворовые новый концерт выучили; жаль, что только без кларнета: я кларнету лоб забрил. Ну-ка, ну-ка, сэови-ка, брат, своих девок да заставь спеть что-нибудь". Куда какой шутник был покойник! Царствие ему небесное. Сам станет бабам подтягивать, а коли в духе, так и плясать начнет. Нет, уж таких стариков теперь нет!..

- Милости просим садиться, - говорит Авдотья Бонифантьевна.

Начинается разговор вялый и глупый. Дочери шепчутся в углу; Сережа на них поглядывает и говорит комплименты Авдотье Бонифантьевне, которая скромно потупляет глаза.

Подают обед. Сережа сидит подле Олимпиады. Она то вздыхает, то спрашивает о "Фе-

нелле". Сережа, обрадованный, что есть люди, которые не видали ее пятьдесят раз сряду, объявляет, что, кроме "Фенеллы"

есть еще "Норма". "Норма", удивительная опера известного Беллини, дается в Петербурге в последнем совершенстве.

- Вы музыкант? - тихо спрашивает Олимпиада; а Сережа отвечает казенною фразой:

- Нет, я не музыкант, а очень люблю музыку.

Против него Авдотья беззаботно пользуется сытным обедом, а Поликсена швыряет в нее украдкою хлебными шариками.

Кончился стол.

- Олимпиада, спой что-нибудь.

- Мaman, я охрипши.

- Ничего, мой друг, мы люди нестрогие.

Сережа кланяется, подает стул, и Олимпиада просит свою маменьку самым жалобным голосом "не шить ей красного сарафана".

- *Charmante voix!* [Очаровательный голос! (фр.)] Браво! - говорит Сережа. - Прекрасная метода. Жаль, что не изволили слышать "Нормы".

Олимпиада вздыхает.

После музыки начались карты. Стали играть в ламуш по грошу, и всем было очень весело. Сережа врал до невероятия. Барышни хохотали. Время летело. К вечеру были обещаны новые романсы, стихи в альбом и конфеты от Рязанова.

Сережа уехал, а Николай Осипович и Авдотья Бонифантьевна долго между собою толковали, гася восковые свечи и зажигая сальные; а сестры перебрались между собой, и вся дворня собралась у буфетчика толковать о новом госте и ожидаемых переворотах.

Один только казачок заснул весело и спокойно. Из всего им виденного заключил он, что ему сошьют новые панталоны.

VI

Провинция! Провинция! Помню я тебя, с твоими уездными городами, с твоими отставными генералами, с твоим вистиком, с твоим бостончиком, со всеми твоими затеями. Помню и казенный колокольчик дворянского заседателя, приводящий в трепет целое селение. Помню и незабвенные твои балы драгоценные воспоминания уездных барышень!..

Почти в каждом уездном городе, как вам

известно, есть нечто сходное с дворянским собранием. Заключается оно обыкновенно в самой большой комнате города, иногда в гостинице, иногда у аптекаря, иногда на станции, иногда в уездном училище - как случится. Тут во время праздников собираются женихи и невесты, помещики и помещицы, должностные и неслужащие. Тут рождаются толки о столицах; тут городничий играет в вист, тогда как жена его манерится во французской кадрили; тут затеваются свадьбы; тут продается яровое; тут иногда бывает очень весело...

Вы помните, что я начал свой рассказ концом октября, порой недоумения, когда природа колеблется между летом и зимой. Вскоре зима взяла свое: снег привалил громадою; ноябрь пробежал, декабрь начал выставлять свои праздники. Барышни Карпентовы давно уже заготавливали фантастические цветы и розовые платья для крещенских удовольствий. Сережа бывал у них каждый день. Мало-помалу он начал привыкать к семейству, принявшему его с таким добродушием. Скоро и старики перестали с ним церемониться: Авдотья Бонифантьевна сняла свой чепчик, а Нико-

лай Осипович надел свой сюртук. Вы, может быть, уже заметили, что главная черта характера моего Сережи бесхарактерность. Привычка была его второй природой. У Карпентовых бывал он каждый день - не оттого, чтоб он их полюбил, а оттого, что он к ним начал привыкать. Из барышень же более всех нравилась ему Олимпиада. Мудрено ли, что Олимпиада предалась ему душою? Без развлечения, без светского образования, без всякого участия в делах мирских, в любви видела она единственное занятие, звезду своей жизни. Везде преследовал ее образ милого гвардейца с его блестящими эполетами, с его звучными шпорами, и петербургское наречие сводило бедную девушку с ума.

Сережа все это очень хорошо знал и, имея никакой цели, неприметным образом стал приближаться к молодой девушке и воспламенять более и более ее воображение. К тому ж она была недурна собою, а волшебство истинной страсти невольно очаровывало Сережу.

Вскоре отправились Карпентовы в уездный город, а Сережа за ними вслед. В уездном

городе Сережа -важничал, пил шампанское, рассказывал про Петербург, начинал мазурку с Олимпиадой Карпентовой и любезничал со всеми уездными невестами, Вскоре по целой губернии о нем пошла молва, вскоре все матушки, глядя на него и Олимпиаду, начали качать головами и улыбаться значительно. Одним словом: он был уже провозглашен женихом Олимпиады Карпентовой, когда отнюдь о том еще не помышлял. Увидим, что будет далее.

VII

- Вы меня обманете, - говорила Олимпиада, опустив руку свою в руку Сережи, - вы меня обманете - и я умру.

Это было три месяца после возвращения из уездного города. Они сидели на скамейке в саду: Сережа в белой фуражке, с хлыстом в руке, Олимпиада опустив голову на плечо его. Сережа давно уже носил на жилете бисерный снурочек, а в жилете шелковый кошелек. Потом, сам не зная каким образом, начал он говорить обиняками; потом, еще менее зная почему и как, очутился он однажды утром в саду на скамейке, слушая с смущением, как

Олимпиада тихо ему говорила:

- Вы меня обманете - и я умру.

Олимпиада, как я говорил вам уже выше, бледная, худая, романтическая, со всем тем она недурна. Одушевленная огнем первой страсти, она вдруг возвысилась над миром глупой прозы, в котором суждено ей было жить.

Вдруг открылась для деревенской девушки новая жизнь, новая сфера, что-то величественное и необъятное. Румянец заиграл на ее щеках. Душа ее, как ласточка, взлелеянная в душном гнезде, не зная еще ничего в мире, взвилась прямо к небу.

Сережа, глядя на нее, не мог быть равнодушен; голова его по возможности разгоралась. Он не мог понять возвышенности чувств молодой девушки. Со всем тем графиня была давно забыта. Страсть модная, аристократическая, в готическом кабинете на узорчатых коврах, показалась ему вдруг так ничтожной в его одиночестве, сидящему под сенью дерев, подле девушки, высказывающей ему с простодушием все любимые тайны своей души.

Новая мысль блеснула в его голове: "Же-

ниться? Да почему ж нет? Жить в деревне, жить с природой, жить с любимой женой, с детьми..."

Решено: Сережа женится... А Петербург с его заманчивыми прелестями? А острова? А все блестящее знакомство? Со всем должно проститься навсегда! Нельзя же ему рассылать визитных карточек: "Олимпиада Николаевна ***, урожденная Карпентова..." Он взглянул на нее: слезы дрожали на глазах ее. Я вам говорил: Сережа был добрый малый; он схватил ее руку и жарко поцеловал.

- Завтра, - сказал он, - все будет кончено. Я докажу, - прибавил он про себя, - я докажу, что я не дорожу мнением толпы. Бедная девушка меня полюбила; я должен с гордостью принять этот дар providения. Завтра буду просить ее руки и, если на то пойдет, повезу жену в Петербург, покажу ее всем, возьму для нее ложу во французском театре и сяду с нею рядом.

- Завтра, - говорила Олимпиада, - завтра!.. Не обманывайте меня, Сергей Дмитрич. Я не должна, может быть, говорить вам того, но я не умею скрывать своих мыслей. Не обманы-

вайте меня, если не хотите моей смерти.

- Итак, вы любите меня? - закричал Сережа. - Не правда ли, что вы меня любите?

Олимпиада улыбнулась.

- Завтра, завтра! - прошептала она, встав со скамейки.

- А что, Сергей Дмитрич, не хотите ли табачку?

У меня а la rose [Розовый (фр.)], сам делаю. - Старик Карпентов приближался к чете и прервал их разговор.

"Добрый человек, - подумал Сережа, - будет моим тестем... отучу его нюхать табак а la rose, а буду для него выписывать французский".

За аллеей показалась Авдотья Бонифантьевна в седых растрепанных волосах.

- Горячее на столе! - кричала она. - Где это вы пропадаете?

"Славная женщина! - подумал Сережа. - Не худо бы ей выучиться носить чепчики".

Сережа не хотел оставаться обедать: в душе его боролось слишком много различных чувств... Он выразительно взглянул на Олимпиаду и ускакал на лихой тройке домой.

Отчего, скажите, в жизни все так перемешано: красота с безобразием, высокое с смешным, радость с печалью? Нет ни одного чувства совершенно полного, ни одной мысли совсем самостоятельной; все сливается в какое-то сомнение, в беспредельность душевную, источник сплина и жизненной усталости. Любовь! Слово святое, душа целой вселенной, отрада нашей бедственной жизни - и ты не всегда освещаешь преданную тебе душу. Прекрасна ты, но и тебе нужны формы, как нужны формы в какой-нибудь канцелярии. Скажи: зачем ты восхитительна в пируэтах Сильфиды и неуместна в семействе Карпентовых - любовь, чувство святое, душа целой вселенной?..

Когда Сережа возвратился домой, ему доложили, что его в гостиной кто-то ожидает.

Сережа вбежал в гостиную: перед Сережей стоял Саша.

Саша, в общественном значении почти то же самое, что Сережа, с тем различием, что он служит в другом полку и слывет в обществе опасным человеком и злым языком благодаря особому его умению давать всем своим

знакомым смешные и колкие названия. С громким смехом приветствовал он Сережу:

- С какими ты, брат, скотами здесь познакомился?

Спрашиваю у людей: "Где Сережа?" - "У Карпентовых". - "А где был вчера?" - "У Карпентовых". - "А что эти Карпентовы - богатые люди?" - "Душ восемьдесят с небольшим будет". Ха-ха-ха-ха! Ну уж нашел, нечего сказать!..

- Полно, брат. Вечно шутишь!

- А ты, брат, настоящий Бальзак, подпоручик Бальзак: все сочиняешь романы. Чего доброго, не влюблен ли ты в какую-нибудь птичницу?

- Перестань, братец.

- Я тебя знаю. В деревне молоко, природа, сметана, чистая любовь у ручейка, за обедом ватрушки - жизнь патриархальная. Это все очень трогательно.

- Полно, Саша. Расскажи-ка лучше что-нибудь про Петербург.

- Да что, брат, тебе рассказывать? Петербург что день, то лучше, то многолюдней, то славней. Магазинов новых пропасть, домов

также. На улицах газ, а в театре танцует мамзель Круазет. Ты не видал Круазет?

- Нет, - отвечал, краснея, Сережа.

- Это, брат, чистая поэзия, выраженная ногами.

Каждое ее движение - картина, чудесная картина; удивительно танцует, то есть как бы я тебе ни рассказывал, никакого понятия о ней нельзя тебе дать: надо видеть.

- А что в большом свете?

- Да все по-старому. Петруша женится, берет сорок тысяч чистого дохода, да, кроме того, есть надежда, что тесть его скоро умрет, так будет втрое, - каков Петруша? Да кстати: графиня тебе кланяется; она теперь кокетничает с новым франтом, приехавшим из Парижа.

- Быть не может! - закричал, вспыхнув, Сережа. - Верь ты этим женщинам! А что говорят обо мне в Петербурге?

- О тебе? Ничего не говорят. В Петербурге никогда ни о ком не говорят, кроме тех, которые беспрестанно под глазами вертятся. Да бишь: Вельский просил тебя прислать ему деньги, которые ты проиграл ему в экарте.

Кроме того, я видел Adele... Она на тебя жа- луется, ты знаешь... потому что... тс-тс!

Приятели начали говорить вполголоса. Разговор их был продолжителен. В одинна- дцать часов вечера Сережа приказал своему камердинеру укладываться, написал наскоро довольно учтливое извинение Николаю Оси- повичу и чем свет был уж с своим приятелем на большой петербургской дороге.

VIII

Прекрасная гостиная, готическая, с резь- бою Гамбса.

Чехлы сняты. Разряженная хозяйка сидит на канапе и ждет гостей.

Нынче не то что бал, да и не то что вече- ринка, а так, запросто: горят одни лампы; све- чей не зажигали; будет весь город.

Толстый швейцар с дубиной стоит у подъ- езда. На лестнице ковер и горшки будто бы с цветами. Вот зазвенел колокольчик; съезжа- ются гости. Дамы лет пожилых (известно, что старух в большом свете не бывает) садятся За вист в гостиной. В соседней комнате играют генерал-аншефы и тайные советники. Моло- дые девушки садятся на четверугольный ка-

напе посреди комнаты или перелистывают давно знакомые картинки. К ним придвигают стулья секретари посольств и камер-юнкеры и начинают разговаривать. Разговор самый занимательный.

- Что, можно сесть подле вас?

- Можно.

- Были вы вчера в "Норме"?

- Хотите мороженого?

- Как жарко!

- Охота хозяйке давать вечера с такой фигурой.

- Как вы злы! Bon jour. Bon jour. Bon-jour.

- Знаете, что Сережа приехал?

- Право?

- Да вот и он.

- Тысячу лет не видали.

- Где вы были?

- В дересне хозяйничал. Ха-ха-ха! Не взыщите: мы люди деревенские... Ха-ха-ха!.. Bon-soir [Добрый вечер (фр.)]. Bon-soir.

- Ну, что скажете?.. Вы не знаете, где нынче графиня?..

- А, да вот она сама! Bonjour. Bon-jour.

Сережа вскочил со стула. В гостиную во-

шла графиня, всегда прекрасная, всегда ослепляющая роскошью и красотой. Густые локоны падали до пышных плеч, а на лбу золотой обруч с брильянтом. От нее веяло какой-то светской приманкой. Все было в ней обворожительно и прекрасно. Величественно подошла она к хозяйке, улыбнулась знакомым, села на место и увидела Сережу, стоявшего перед ней.

- Madame la comtesse... [Госпожа графиня... (фр.)]

- Bon-jour. Когда приехали?

- Сейчас.

- Что, вы женаты?

- Помилуйте, графиня, зачем шутить?

- Да что же вы делали в деревне?

- Я занимался, читал и думал.

- А соседей у вас не было?

- Какие там соседи! Был какой-то капитан, да, признаюсь вам, мне было не до того.

Он выразительно поглядел на графиню.

- Что, вы мужа моего видели?

- Нет еще.

- Ну, ступайте же с ним здороваться, - продолжала, смеясь, графиня. Завтра у меня тан-

цуют.

- Что, вы мне дадите мазурку?

- Так и быть...

Летит время. Всё то же да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нет.

Саша женился на богатой вдове и начал давать обеды. Сережа танцевал по-старому мазурку, вздыхал под ложней графини, но начинал уж чувствовать, что он променял счастье жизни на приманки малодушного тщеславия. Нередко мучила его и та мысль, что он был причиной гибели бедной девушки, которая, как известно ему было от одного помещика, встретившего его в театре, чахла и страдала после его отъезда и, вероятно, давно уж умерла. Несколько лет промчалось уж после поездки его в деревню; угрызения совести не оставляли его, но дополняли его бытие. Он уважал в себе человека, сделавшегося некоторым образом преступным, и вспоминал о любви своей к Олимпиаде, как о самой светлой точке своей жизни, утонувшей навеки в бессмысленном тумане его настоящего бытия. Однажды сидел он у своего камина. Воображение живо рисовало ему черты незабвен-

ной девушки с распущенными волосами, с глазами, исполненными неги и любви. В эту минуту вошел человек с письмом. Сережа наскоро распечатал и прочел следующее.

"Милостивый государь Сергей Дмитриевич. Вот уже пять лет как вы не изволили быть в поместьях ваших, в пяти верстах от сельца Зубцова, как известно вам, отстоящих. По отъезде вашем батюшка с матушкой отдали меня замуж за служащего по выборам уездного суда заседателя Крапитинникова, с коим, благодаря бога, я и живу в счастливом супружестве уже четвертый год и была бы довольна судьбою, если б не следующий случай. Муж мой, отставной армии штабс-капитан, прослужил уж три трехлетия по выборам дворянства и, не будучи замечен ни в каких дурных поступках, был представлен начальством к следующей ему награде. Несмотря на то, мой муж никакого награждения не получил, тогда как того же суда заседатель Бутыргин, замеченный в нетрезвом поведении, за коим по разным следствиям считается до 200 с лишком дел нерешенных, и женатый на поповской дочери, получил на днях орден св.

Анны для ношения в петлице. Не имев никаких покровительств в Петербурге и зная, что вы имеете там знакомство в высшем кругу, я решилась, зная всегдашнее расположение ваше к нашему семейству, просить вас не отказать нам в ходатайстве вашем у важных особ о скорейшем назначении мужу моему следующего ему ордена.

Батюшка мой жалуется, что вы его забыли. Он теперь опять пристраивает небольшой флигелек к дому своему для меня и детей моих, на случай, когда дела наши позволяют нам отлучаться из уездного города.

Сестры мои вышли замуж: Авдотья за комиссариатского чиновника Бирюкдина, а Поликсена за учителя немецкого языка Шмитцдорфа. Муж мой свидетельствует вам свое глубочайшее почтение, а вместе с ним и покорная вам Олимпиада Крапитинникова".

Письмо выпало из рук Сережи; слезы навернулись на глазах его. "Одна минута поэзии, - подумал он, - была в моей жизни, и та была горькой глупостью!".

Бедный Сережа! Ему пришлось проститься с своим раскаяньем и сделаться снова

невинным гвардейским офицером. И все пошло, и все идет опять по-старому: графиня наряжается и танцует; Сережа ездит в театр.

И все то же да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нет...

СЕРЕЖА

Впервые напечатано: "Литературные прибавления к "Русскому инвалиду", 1838, № 15.

Стр. 23. Князь В. Ф. Одоевский (1803 - 1869) - русский писатель и мыслитель, близкий друг Соллогуба.

...дилижансы "первоначальной заведение..." - дилижанс - общественная почтовая карета, ходящая по расписанию. Первая компания дилижансов была основана в 1820 году.

Стр. 24. Он читал всего Бальзака... - романы Бальзака воспринимались в 1830-х годах как модное и "опасное" чтение, Стр. 25. ...о крепости Бильбао, о свекловичном сахаре, о паровых каретах и о лорде Лондондери. Круг интересов героя составляют модные политические и технические новинки. Бильбао - административный центр провинции Бискайя (Испания), играл важную роль в ходе гражданской войны 1833 - 1839 годов. Лондондери - имеется

в виду Чарльз Уильям Лондондери - военный, затем дипломат, в ходе путешествия на Восток посетивший в 1837 году Петербург, или его сводный брат Роберт Стюарт, более известный как виконт Кестльри (1769 - 1822) английский политический деятель, министр иностранных дел.

...она на английских горах... - светское развлечение, деревянные горы, залитые водой, с которых катались на санях; английские горы устанавливались в Коломне.

Стр. 29. Сережа читал m-me Genlis - Жанлис С.-Ф. (1746 - 1830) французская писательница-сентименталистка, ее произведения отличались прямолинейным морализаторством.

Стр. 30. ...испанские дела... - гражданская война в Испании, подробно освещаемая в русской прессе.

...французские романы... - имеются в виду произведения в духе "неистовой словесности" (Ж. Жанен, Бальзак, Фр. Сулье, А. Дюма-отец и др.).

...толкучий рынок нашей литературы... - выражение восходит к строкам Пушкина из поэмы "Домик в Коломне": "И табор свой с

классических вершинок // Перенесли мы на толкучий рынок".

Соллогуб, как и Пушкин, отрицательно относился к "торговому"

(по сути официозно-мещанскому) направлению в русской литературе (Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и др.).

Стр. 34. ...расспрашивает о "Фенелле". - "Фенелла" (1828) - опера Ф. Обера (1782 - 1871); балетную партию немой героини исполняла М. Тальони (1804 - 1884), выступавшая на петербургской сцене в 1837 - 1842 годах.

"Норма" (1831) - опера В. Беллини (1801 - 1835).

Стр. 38. ...в пируэтах Сильфиды... - имеется в виду балет (1832, на петербургской сцене - 1837), поставленный Ф. Тальонн (1777 - 1871); музыка Ж. Шнейцгофера, заглавную партию исполняла М. Тальони.

Стр. 39. ...танцует мамзель Круазет... - французская танцовщица, на петербургской сцене выступала в 1830 - 1840 годах.

Стр. 42. ...орден св. Анны для ношения в петлице. - Орден св. Анны имел четыре степени: I степени носился на ленте со звездой, II -

на шее, III в петлице, IV - на шпаге.